

Культура. — 1994. — Июнь. — С. 1.

Устарел ли Брехт?

Безусловно, устарел, если иметь в виду острые вопросы (социальные, политические), которые он как будто бы любил ставить в своих пьесах, и если полагать его самого своего рода комиссаром сцены.

Да, в этом смысле Брехт безнадежно устарел, и тогда прикладное его искусство, кажется, уж не к чему и прикладывать.

Однако на сцене Вахтанговского театра не столь давно состоялась премьера «Оперы нищих» (режиссер Г. Черняховский): бедняжке, похоже, суждено умереть, не дотянув даже до отрочества. Такой Брехт интересен, пожалуй, лишь одному постановщику — об артистах подобного не скажешь, тем более не скажешь о зале, сохраняющем солидарное равнодушие.

Зал делегируется, рекрутируется улицей. А улица, те же староарбатские переулки, не говоря уже о новоарбатской магистрали, ведущей не в Храм, а в Кремль, — повсюду повсеместно и ежечасно улица полна такими персонажами «Трехгрошовой оперы», и на ней творится такое, что Брехт может показаться добрым пролетарским сказочником.

Но сам-то Брехт всегда был и остается поэтом. Своеобразным поэтом, художником лирико-эпического театра. А все, что говорилось выше, — лишь часть наших общих заблуждений, облегченных, упрощенных представлений, о нем. «Опера

нищих» Черняховского их и продемонстрировала, причем без особого блеска.

Сам-то Брехт, конечно же, не устарел: те же наши граждане, например, теперь решительно «оужужденны» их отужуждением от государства и «отстранены» отстранением от реального участия в делах последнего.

Это в жизни. А что в искусстве?

Брехт ничуть не устарел, если вновь прийти на «Кавказский меловой круг» Театра имени Руставели, гастролирующего сейчас на сцене того же Вахтанговского театра. Спектакль родился 19 лет назад в Грузии, еще не «оужужденной» беловежскими витязями, еще входившей в «Советский меловой круг». Но может показаться, что Брехт все же устарел, если посмотреть новую постановку Роберта Стура «Добрый человек из Сычуани».

Вышло, так, что старый спектакль оказался живей и настоящей молодого. Вышло так, что трахнувшие стариной артисты и по сей день держат класс игры, составивший некогда руставелиевцам мировую славу.

Приемы этой игры, механически и без прежнего изящества и легкости введенные в новую постановку, вызывают приступ ностальгии. Старые мелодии (из «Кавказского мелового круга», из «Ричарда III»), включенные в новую постановку, лишь усиливают это

щмящее чувство. Старые мелодии, зазвучавшие в финальных сценах «Доброго человека», крепко подперли остов всю шатавшегося здания спектакля. К финалу, наконец, собралась сила и исполнительница главной роли. И зал аплодирует — но, в частности, он аплодирует своим воспоминаниям, аплодирует славе Руставелиевского театра. И еще он аплодирует общему нашему прошлому, где мы были вместе и ничем не мешали друг другу.

Дружба наша настолько и по сей день крепка, что когда грузины в День своей независимости попросили одолжить им танки для парада, мы дали: берите, генацвале, катайтесь, жалко что ли — ведь для парада же, не для чего-нибудь еще...

В старом спектакле руставелиевцев сохранился настоянный временем и испытаниями терпкий аромат этой дружбы. Мы дружили не просто домами — мы дружили искусством, которое признает одни лишь границы: границы мастерства. Руставелиевцы уже давно выросли в подлинных мастеров. И, кстати, фильму «Покаяние» предшествовал их спектакль «Каварварэ» с вкраплением в него сцен из брехтовской «Карьеры Артуро Ui», не стоит об этом забывать. Как не стоит забывать и того, что исполнитель главной роли в «Покаянии» Артист Театра имени Руставели Автандил Махарадзе сыграл прежде нечто весьма

существенное у Стура в «Ричарде III».

Но ведь нельзя войти дважды в одну и ту же реку, помните вы. Так вот она и течет...

Старый «Кавказский меловой круг» напоминает первую вахтанговскую «Принцессу Турандот», вазникшую, кстати, в не менее смутную, чем сейчас, пору. Потом была вторая «Турандот», потом третья... Река течет...

Тридцать лет назад с «Доброго человека из Сесуана» начался театр Юрия Любимова, начался отсюда же; спектакль оказался мышью, родившей гору. Но река течет...

Новый «Добрый человек» руставелиевцев предложен зрителям с иным историческим опытом, расстрельным опытом всемирного коммунизма: от Новочеркаска и площади Тяньаньмэнь до Тбилиси и Белого дома, трагически спародировавшего Брестскую крепость. После всего этого необходимость в притче отпала. Дело ясное, что дело темное.

Но сохранилась потребность в лирическом Брехте, Брехте, ратующем за нравственность, как за хлеб. И уже не нужен той же доброй Шен Те злой двойник Шуй Та: их потеснила «М. Баттерфляй», двусмысленно влияя общечеловеческим задом.

Но, как и прежде, мы хотим радоваться обретенному счастью Груше Вачнадзе и сострадать хрупкой докхотствующей Шен Те; мы готовы сме-

яться над жизнью и над собою вместе с мудрым, неунывающим старцем Аздаком и неувядающим исполнителем этой роли Рамазом Чхиквадзе.

Пока мы способны на это мы и ждем от театра — Театра, и ничего нового, кроме собственно искусства, он нам предложить не в состоянии. В противном случае мы начнем доискиваться: если мир спасет красота, то кто спасет саму красоту, а если мир спасет доброта, то нет ли у доброты спонсоров, а если есть, то не Мэкили Нож их хозяин и какой они к тому же национальности...

Одним словом, кончится «трехгрошовой оперы» и начнется, будь она неладна, «трехгрошовой жизни»...

Впрочем, и эта жизнь идет вперед и рождает уже новые оперы. В Бонне, например, сейчас состоялась премьера оперы «Горбачев», где исполнитель его роли — таков сюжет выстроенный по принципу «театра в театре», — репетирует с режиссером некий будущий спектакль, действие это наблюдается и иногда пытается скорректировать скептически настроенная аккомпаниаторша. Ее скепсис и «оужуждает» пафос, так свойственный герою поднимающемуся куда-то наверх по белой кривой лестнице. Однажды он скатывается с нее...

Вот и снова выходит, что Брехт не устарел. Река течет...

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.